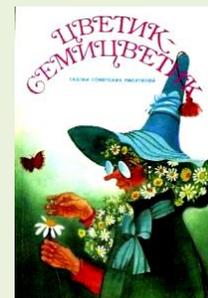

СЛОВО КО ВЗРОСЛЫМ

Вступительная статья к сборнику сказок советских писателей “Цветик-Семицветик”

М.: Издательство “Правда”, 1991
OCR Dauphin, 2002

Уважаемые родители! Папы и мамы, бабушки и дедушки!

Вы купили своим детям книгу сказок. Зря или не зря? Хорошую или не очень? Может быть, и тратиться на нее не стоило?

Уверяю вас, для ребенка нет лучшего чтения, чем сказка. Ребенок — читатель и слушатель особенный. Его сердцу и уму больше всего говорит сказка. Его разум еще не готов воспринимать абстрактные рассуждения. Он куда более эмоционален, чем рассудителен. И поэтому поэтические образы сказки для него убедительны и реальны.

Разве может мальчишка, выструганный из простого полена, двигаться и говорить, проявлять мужество и находчивость, сердиться, радоваться, огорчаться? И как это вдруг в обыкновенном телефоне поселится маленький дружок Алошка да еще станет принимать такое живое участие в жизни героя сказки? А лепесточек цветка может ли творить волшебные чудеса? Так, чтобы девочка Женя вдруг ни с того ни с сего оказалась на Северном полюсе, а следом во мгновение ока опять очутилась на своем дворе? Может, может, все это может быть в сказке! Ребенок этому верит и, как бы идентифицируя себя с героями, переживает все невообразимые чудеса.

Ну, а раз невообразимые чудеса, может быть, и книжку покупать не стоило? Может, просто самим сесть да и наплести неведомо что, нагородить чудес, нафантазировать?

Нет, нет! Не заблуждайтесь на этот счет. Сказка — вещь строгая. Это особый жанр, и строится он по своим четким законам, создается человеком, обладающим особым даром сказочника.

Сказка должна охватывать массу событий, события эти динамично сменяют друг друга, совершается стремительный переход от отчаяния к надежде, от печали к радости, чувства страха и торжества сменяют друг друга. В сказке всегда очень четко обозначены начало и конец повествования.

Говоря о сказках, С. Я. Маршак писал: «Повествование должно быть в достаточной мере утоляющим, вполне исчерпывающим сюжет, так, чтобы у читателя даже и не возникал вопрос, а что лее было дальше?»

В самом деле, вспомним народные сказки. Их начало всегда динамично и определено: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был царь с царицей...» или «Жили-были старик со старухой, и было у них три сына...». Сказочный зачин всегда очень четок и сразу же вводит в повествование. А после слов «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» никто уж не спросит, «а что же было дальше?»

Идея сказки всегда отчетлива, события необычайны, победа доброго начала над злым — окончательна.

Вы можете мне возразить, что, мол, как же, кстати, народные-то сказки ведь создавал народ, а мы сами — тоже ведь народ?

Не надо думать, что народные сказки — значит, безавторские. Это, безусловно, создания талантливых людей. Они безымянны за счет того, что создавались в те времена, когда сказочник или сказочница, какой-нибудь

Замята или Ждан, какая-нибудь Любуша не знали письменного языка, сказок своих записать не имели возможности. Поэтому и имена их затерялись, как нечто менее существенное, чем сама сказка. Кстати, сказочник, и создатель, и просто исполнитель должны были обладать еще и актерским даром. Рассказывать сказку следовало «особенно», распевно, с чувством, выразительно. Об этом, между прочим, стоит помнить и нам, когда мы читаем ребенку сказку.

Сказка ведь еще и великая странница. Фольклористы знают, как охотно сказка пересекала границы, являлась в новом обличье, приживалась на русской почве, приходя не только из, скажем, Франции и Германии, но и из Японии и Китая. В далеких путешествиях терялись имена авторов, терялись они и во времени. Но наверняка у каждой из них в ее первоначальном виде был конкретный автор, понимающий и уважающий сказочные законы. Так же, как есть конкретный автор у сказок, напечатанных в этой книге.

Но что же такое все-таки сказка, раз это, как мы сказали, не просто выдумки «из головы»? Да меньше всего это рассудочные, искусственные выдумки. Если случается так, то и говорить о такой сказке нет смысла. Это сказка плохая. Да и не сказка вовсе, а только, может быть, либо самоутверждение графомана, а то и желание быстрого коммерческого успеха!

Было время, когда у нас велась настоящая война со сказкой. Особенно в двадцатые годы.

Боже мой, что было! Считалось, что в книжках для ребят в нашей стране должны быть не фантазии, не сказки, а лишь одни голые «реальные» факты. И кто бы вы думали утверждал и насаждал эти дикие взгляды? Ученые, педагоги! Так писали в педагогических изданиях, провозглашали этот вздор с кафедр!

В знаменитой книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» есть целая глава, которая называется «Борьба за сказку». Там он пишет: «Почему эти чудаки так уверены, что радио и «Конек-Горбунок» несовместны?.. Откуда взялся этот тупой ультиматум: либо сказка, либо динамо-машина? Как будто для того, чтобы выдумать динамо-машину, не понадобилось самой смелой фантазии! Фантазия есть ценнейшее качество ума человеческого, и ее нужно тщательно воспитывать с самого раннего детства — как воспитывают музыкальное чутье, — а не топтать сапогами...»

Боролся за сказку и Самуил Яковлевич Маршак, утверждая ее необходимость для маленького читателя.

Сказку тогда отстаивали.

Но рецидивы педологических «завихов» случались и в последующие годы. Такие, например, как письмо В. Васильковского в «Литературную газету» уже в пятидесятые годы, где он высказывается по поводу «Мухи-Цокотухи» Чуковского: «...странно: с одной стороны, в нашей стране проводится систематическая беспощадная борьба с насекомыми, а с другой — отдельными писателями выпускаются в свет произведения со стремлением вызвать к паразитам сочувствие!»

Теперь, правда, редко, но тоже иногда приходится слышать, что сказка уводит ребенка в нереальный мир, мешает постигать повседневную реальную действительность и т. д.

Ах, какое же это глубоко ошибочное представление! Суждение в корне неправильное! Попросту диаметрально противоположное истине!

Сказка — это не что иное, как особое средство постижения жизни. Особый ракурс, близкий и понятный детям. Способ познания, изучения, раскрытия действительности.

И чем ближе, — ближе, а не дальше! — сказка к жизни, тем она более жизнестойка.

Трудно предположить, что в бездонном сундуке народных сказок всё — от первой до последней сказки — сохранилось и дожило до нашего времени. Думается, что и в этом запасе не истлело и не было съедено «молью» времени только то, что действительно по-настоящему, глубинно было посвящено постижению жизни.

К сожалению, много пишется авторских сказок сейчас, писалось и раньше, по выражению С. Маршака, «бескрылых». Бескрылая сказка надуманна, искусственна, безжизненна. Мы с вами должны согласиться в том, что сказки бывают и плохими. Плохая сказка либо заданно, «от головы» написана во имя определенной морали. Образы таких сказок ходульны, сюжеты — банальны. Либо автор, наоборот, пытается отойти от банальности, оригинальничает, стремится быть изысканным, но отправная точка его — не жизнь. Не от этой пристани он отправляется в своем сказочном плаваньи, а поэтому и жизни во времени в его сказке места нет, и в том, чтобы к сердцу и памяти читательской причалить, ему тоже отказано.

Примеров тому множество и в дореволюционной литературе, и в зарубежной, да и в современной советской литературе сказок-поделок предостаточно, но не о них сейчас речь.

Давайте обратимся к тем сказкам, которые собраны в этой книге, — очень разнообразным по стилю, языку, исходному материалу.

Большинство этих сказок написано давно, они стали уже советской детской классикой, вошли в ее золотой сказочный фонд. Из двенадцати авторов этой книги ныне здравствуют только Георгий Балл, Яков Аким, Ирина Токмакова и Радий Кушнерович.

Как это произведения таких разных писателей могли поселиться под одной крышей, ужиться под одной обложкой, точно близкие родственники? Думается, потому, что они едины в главном — в верности правде жизни.

Почему так живуч Буратино? Ведь ему больше ста лет, если мы обозначим его появление на свет от исходной даты его рождения, первоначально в Италии как Пиноккио? Мы уже говорили об этом. Чем ближе сказка к действительной жизни, чем глубже она ее изучает, тем дольше она живет.

Что касается меня лично, то я предпочитаю толстовского Буратино Пиноккио Коллоди за его пленительную прозрачность, ясность сюжета, удивительную незамутненность мысли.

И если мы приглядимся, то увидим, что, выдумывая и фантазируя, наделяя странным для них поведением зверей и птиц, таким «неприсущим» и нехарактерным, Толстой на самом деле изучает человеческие характеры и очень существенные жизненные понятия. Отношения Буратино и папы Карло — заботливая родительская жертвенность, неблагодарное сыновнее легкомыслие и в конце концов — нечто близкое к евангельской притче о блудном сыне! Так же глубоко и серьезно. Только иными средствами.

Авантюрный характер Буратино, лирический — Пьеро, несколько жеманно-педантичный — куклы Мальвины, понятия алчности и преданности, мужества и благородства, правды и лжи и в конечном счете — добра и зла, разве все эти серьезные понятия не исследуются в веселой, динамичной, увлекательной сказке А. Толстого?

Подумайте, мы ведь и не сомневаемся, что все так и было, когда читаем, например:

«У Буратино отчаянно забилося сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни...

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял — это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем-то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком — нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стишки, — Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы снова увидеть друзей».

Эти чувства испытывает деревянная кукла? Буратино, первоначально поступавший так неумно и легкомысленно? Да, так оно ведь и бывает в жизни — накапливается опыт, закаляется характер. Вот почему Буратино был нашим любимым героем, милые бабушки и дедушки, затем наших детей, которые сейчас стали папами и мамами, а теперь с ним сдружились наши внуки. В нем — правда жизни. А она-то и есть основа основ настоящей сказки.

Доктор Айболит Корнея Чуковского тоже имеет литературного «родителя» — сказки Хью Лофтинга о докторе Дулиттле, написанные по-английски. И, так же как и сказка Алексея Толстого, не перевод и даже не пересказ, — я бы назвала это произведение импровизацией на тему. Имеет ли писатель право на такую импровизацию, нет ли оснований упрекнуть его в заимствовании? Нет, ни в коем случае. Это примерно как в музыке, когда композитор берет созданное другим музыкантом произведение и интерпретирует его, развивает, придавая ему черты своей творческой личности.

Взрослый читатель с благоговением встретится в литературе с изумительной личностью реально существовавшего легендарного доктора, жившего в Москве в XIX веке, Федора Петровича Гааза — этого бескорыстнейшего человека, посвятившего всю свою жизнь бедным, гонимым, обездоленным и несчастным. И, как ни удивительно, вспомнит сказку своего детства о докторе Айболите. Ведь доктору Айболиту тоже в первую очередь свойственно бескорыстие. И лечит он тех, кто больше всего нуждается в его помощи, — слабых и беззащитных зверей.

Идея милосердия — животрепещущая, актуальнейшая в наши дни, ею-то как раз и пронизана вся книга Чуковского. А каким прекрасным языком написана эта книга! Как идеально он ориентирован на читателя-слушателя:

«Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит. И была у него злая сестра, которую звали Варвара.

Больше всего на свете доктор любил зверей.

В комнате у него жили зайцы. В шкафу у него жила белка. В буфете жила ворона. На диване жил колючий еж. В сундуке жили белые мыши...»

Динамично, прозрачно, просто и увлекательно!

«Семь путешествий вместе с Синдбадом-Мореходом» Радия Кушнеровича также имеют литературного «предка». Это «Тысяча и одна ночь» — всемирно прославленный свод сказок арабской средневековой культуры. Но он отнюдь не адресован детям. Однако Кушнерович — человек яркой писательской индивидуальности. И поэтому его «Синдбад» — это уже его «Синдбад», со всеми признаками его писательского почерка, увлекательно рассказанная сказка для юного читателя, понятная ему и «питательная» для его разума и чувства.

Интересно задуматься над тем, почему Андрей Платонов, один из самых замечательных прозаиков нашего времени, автор таких решительно «взрослых» трагических произведений, как «Чевенгур», «Котлован», обратился к жанру сказки? При этом вдохновила его сказка народная, и он создал свои авторские сказки в духе фольклорных сказок, в рамках их стилистики и лада.

Что, захотелось этому проникновеннейшему жизневеду уйти от действительности, может быть, отдохнуть, вольно пофантазировать, порезвиться?

Нет, несколько. Сказки Платонова подтверждают высказанный ранее тезис, что сказка — это определенный способ познания, изучения, раскрытия действительности.

О чем сказка Андрея Платонова «Иван Бесталанный и Елена Премудрая»?

Вырос у крестьянской вдовы сын Иван. *«Радуется мать, что он большой стал, да худо, что он у нее бесталанным вырос. И правда: всякое дело у Ивана из рук уходит, не как у людей; всякое дело ему не в пользу и впрок, а все поперек...»* Но вот, преодолевая трудности на своем пути, совершает Иван добрые дела: спасает щуку, воробья, выручает простую прислужницу Дарью. И оборачивается его бесталанность талантом человечности, и оказывается этот талант превыше всего, гораздо существеннее мудрости и хитрости. И прочитывает его жена Елена Премудрая в книге, которая в себя всю мудрость мира вобрала: *«Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит»*. И решает Елена, что муж ее, слывший бесталанным, душевным своим талантом оказался выше ее мудрости и хитрости. Автор выводит чрезвычайно важный нравственный закон: люби все живое и никого не обижай.

Почему облакает Платонов этот закон в форму сказки? Да потому что ясно отдает себе отчет, что образно-поэтический путь — к сознанию ребенка через эмоции — путь кратчайший. Он черпает это понимание из стихийной педагогики народа, ясно себе представлявшего, как необходимо в ребенке воспитать изначально, душевное милосердие и природолюбие. Тогда не страшен и момент прикладной: добыча зверя на охоте, использование леса в домостроительстве. Сказки были призваны привить иммунитет против голого потребительства. Они боролись с очерствением души.

Всякие сказкоборческие и вообще утилитаристские тенденции в нашей детской литературе... Кто знает, какой вред они принесли, как послужили разрыву связи времен, как перекрыли живительный исток народного сознания? Не обязывают ли всякие там планы переброски северных рек к покаянию и детскую литературу тоже?

Ведь в народных сказках заложена и д_е_я единения человека с природой, идея взаимосвязанности всего живого и ответственности за все живое более сильного и наделенного разумом. Народные сказки всегда стремились внушить человеку, что нет для него ничего зазорного в чувстве братства со всем живущим и растущим на земле.

Не близко ли по смыслу к тем же представлениям подошла и сказка знаменитого уральского сказителя Павла Бажова «Серебряное копытце»? Олень — серебряное копытце — чудо, которое требует бережного отношения, и даже старый охотник Кокованя в него стрелять не будет. Да что такое он, вообще-то говоря, этот удивительный олень? А он и есть сама уральская природа, одаривающая человека дорогими самоцветами. Одаривающая, но отрицающая алчность.

«Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб». Доброе сердце старика было вознаграждено и убережено от излишества. В этом тоже заключалась награда.

Часто, очень часто служит вдохновению писательскому народная традиция. Вот и сказка Самуила Маршака «Двенадцать месяцев» написана по мотивам славянского фольклора. Сказка эта в дальнейшем была инсценирована и обошла чуть ли не все наши детские театры. Думается, не столько потому, что построена на вечной антитезе добра и зла, и не потому, что действуют в ней, с одной стороны, традиционная злая мачеха и ее дочь, а с другой — забитая, но добрая и внутренне мужественная падчерица. Таких сказок на свете в разных вариациях несть числа. В этой сказке Маршак затронул одну из самых интересных и существенных философских категорий — Время.

Может ли наступить время раньше положенного ему, может ли будущее вдруг как бы явить себя в настоящем? Это глубочайшая теоретическая проблема. Но поскольку она затронута в сказке, то и решается по-сказочному. Решается положительно. И вот:

«Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке!

Под ногами у нее — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под темной коры первые зеленые листики...»

Итак, в январе наступил март. Будущее явилось в настоящее. Как и ради чего? Ради добра и милосердия, ради спасения слабой беззащитной героини. Само могущественное Время пришло ей на помощь.

Думается, именно эта интереснейшая постановка вопроса, этот, если хотите, философский эксперимент и обеспечивает сказке Маршака столь долгую жизнь.

И не есть ли та же мысль о «проницаемости» времени, о его течении не только вперед, но и в обратном направлении, о чем думают и пишут философы, «Сказка о потерянном времени» Евгения Шварца?

Дети, терявшие время попусту, становятся стариками. Их время уш_л_о от них. Этим временем воспользовались злые волшебники. И вот это время надо в_е_р_н_у_т_ь. Наше представление о линейном течении времени говорит нам о том, что этого сделать нельзя. А в сказке оно приобретает обратный ход. Надо только обязательно собраться вчетвером и крутить стрелки волшебных часов в обратном направлении. Тогда упущенное время вернется и дети вновь обретут свой детский облик.

Так разрешает проблему сказочник. На самом деле, если эта проблема разрешима, то, по-видимому, где-то в отдаленном будущем. Но ведь не в этом сейчас дело. Дело в том, что сказочник эту проблему с_т_а_в_и_т!

Я бы вообще на месте ученых почаще бы обращалась к сказкам. Я думаю, в сказках можно найти массу удивительных прозрений и пророчеств. В тех, конечно, которые мы договорились называть хорошими сказками.

«Два брата» того же автора — это уже иная сказка, но по глубине, может быть, и не уступает предыдущей. Два брата. Ревность и нелюбовь старшего к младшему. Каин и Авель... Старший губит Младшего, но в отличие от библейской легенды он отправляется на поиски. Правда, первоначально не по своей воле. Но постепенно жалость, совесть и любовь просыпаются в его сердце. Добро, проявленное по отношению к замерзшим птицам и зверькам, отогревает его собственное сердце. И сказка, как и положено сказке, кончается спасением Младшего. Через покаяние Старший приходит к добру.

Да, когда вдумаешься, то видишь, что хорошая сказка и есть сама правда, сама жизнь. Но ведь с налету она таковой не кажется, она как бы трудноузнаваема, не так ли?

Совершенно верно. Но это происходит от особого взгляда на жизнь, особого, что ли, принципа исследования.

Попробуйте, например, посмотреть через сильную лупу на самую обыденную вещь. Ну, скажем, на кусок обычного, привычного хлеба. Под сильным увеличением он может показаться вам, например, горами Памира или лунным пейзажем. Но при этом он будет оставаться куском хлеба.

Может ли стать интересной темой для сказки такое человеческое качество, как легкомыслие? Именно этому посвящена сказка Катаева «Цветик-семицветик». Легкомысленно тратит девочка Женя семь лепестков волшебного цветика-семицветика. Но вот под конец она начинает рассуждать и понимает, что все желания, какие она может загадать, мелки, вздорны и легкомысленны. И тут-то и случается настоящее чудо. Оно много чудеснее чудес волшебного цветка. Женя решает истратить последний цветок не на свою прихоть. Она тратит его на милосердие и добро. Волшебный лепесток излечивает хромого мальчика. А девочка Женя от этого обретает истинную радость.

Коротенькая сказка, казалось бы, простая и незатейливая, таит в себе глубинный, проповеднический смысл.

Простой и незатейливой не назвала бы я сказку Галины Демыкиной и Георгия Балла «Алошка». Ребенок-читатель будет следить за приключениями героя книжки — мальчика и сказочного маленького человечка Алошки, живущего в маленьком домике-телефоне.

Но в этой сказке есть что оценить и взрослому читателю. С некоторой долей легкой иронии пародируются в сказке общеизвестные фольклорные сказочные элементы.

Злая тетка называет себя все время «красной девицей».

«Ох, я красная девица, — зевнула тетя Вера. — Что-то мне и спится и ложится. Что-то мне вставать не хочется...»

А старый бухгалтер, собирающийся на пенсию, называется «добрым молодцем».

«Снился мне добрый молодец. Добрый молодец Иван Иванович». Эта ирония придает сказке особую тональность, нисколько не разрушая ее сказочности.

Но в глубине этой сказки, в самой ее сердцевине кроется мысль об одиночестве ребенка в мире взрослых, даже любящих взрослых, о необходимости для ребенка р_а_з_д_е_л_е_н_н_о_й жизни с тем, кто поймет е_г_о на е_г_о уровне, кто сумеет войти в е_г_о сказку, в е_г_о игру. Из этой необходимости и рождается Алошка, рождается фантазией ребенка, для него — материализуется и существует вполне реально.

Да всё, всё сочиненное воображением талантливого человека существует вполне реально. Не существует только сказка фальшивая, не сцепленная с жизнью.

Такое чувство, что от сказки Якова Акима «Учитель Так-Так и его разноцветная школа» исходит свет правды. Я убеждена, хотя и не знаю наверняка, что учитель Так-Так действительно жил на свете и встретился автору на его жизненном пути. Конечно, он не задавал в качестве домашнего задания «вырезать из брюквы ослика, а остальное съесть», но человек, любящий и понимающий детей, человек н_е_с_т_а_н_д_а_р_т_н_о их любящий, безусловно, послужил прототипом этого прекрасного сказочного образа.

И злобная «вежливая старушка» — тоже. И вот автор как бы вместе с учителем и детьми строит веселую разноцветную школу. И для него это строительство — прежде всего строительство крепости правды и добра против кривды и лжи. Он хлопочет о том, чтобы первым делом воспитать в ребенке человечность, показать ее привлекательность, привить ему прекрасную способность страдать чужими страданиями и радоваться радостям другого. Пусть ребенок в своем воображении учится участвовать в жизни людей придуманных, сочиненных, воображаемых. Это выводит его из узкого круга эгоистических мыслей и чувств. И как бы беря несколько сильных аккордов в завершение чистой, прозрачной мелодии своей сказки, Яков Аким выводит на сцену под самый занавес еще один персонаж — часового мастера, создавшего такие часы, которые умеют пробудить «лучшего человека» в самом человеке. А такой лучший человек есть в каждом!

Подумать только, какая получилась переключка! Это ведь и есть «солнечный зайчик», о котором говорит Сестра Летница в моей сказке «Счастливо, Ивушкин!». Нескромно говорить о себе, да к слову пришлось. И одна из основных мыслей книги — о понимании родителями детей, а детьми — родителей. Детский эгоизм (я бы сказала биологически объяснимый), часто даже и у любящих детей, бывает чрезвычайно скор на суд. И суд этот возникает от непонимания, от неумения увидеть «лучшего человека» или «солнечного зайчика», живущего в каждом человеке, в том числе и в собственных родителях.

А что же такое страна «Нигде и никогда»? Страна, в которой живут необычные говорящие звери и в которой не движется время? Она ведь недалеко, совсем рядом, вход в нее оказался тут же, в знакомом Синем лесу!

Вы, безусловно, слышали рассуждения ученых об иных мирах, находящихся рядом, однако невидимых, существующих в неких иных, чем наша жизнь, ипостасях? Это пока что весьма гипотетично, и всё же...

Поразмыслить, «поиграть» в это в сказке — разве не интересно? И разве не может оказаться, что сказка, прочитанная в детстве, наведет на мысль уже взрослого человека, раскует его воображение и подтолкнет к открытию!

Есть ли «жизненная привязка» в этой сказке?

Кроме вышеизложенных мыслей, могу сказать, что и да, и нет.

Село Высоково существовало на самом деле, а сейчас погребло как — увы — множество нечерноземных деревень. Многие герои, такие, как Развигор или Вихроний, имеют реальные, человеческие прототипы. Ну а иные... Сказка ведь она и есть сказка, чтобы автор мог и напридумывать многое, и нафантазировать...

Так, как это сделал, например, А. Шаров, придумав удивительного Цветочного Гнома в своей сказке «Кукушонок, принц с нашего двора». Он придумал доброго и славного говорящего Зайца, и Золотое царство, и Рыцаря по имени Герцог Непобедимый, Граф Неустрашимый, Барон Всезнайский и царя Колдуна, которого все называют Его Колдунское Величество...

И что же — все это как раз и есть то нагромождение фантазий и небылиц, оторванных от жизни, умозрительных, которые мы и условились называть плохой сказкой? Нет, ни в коем случае! Потому что у этой сказки очень добрая и очень жизненная канва.

Мальчик Сашка, прозванный Кукушонком за бесчисленное количество веснушек, очень страдает из-за своего, как он думает, уродства. Из-за этих веснушек с ним и случаются все приключения. Но дело не в этом. Попав в Золотое царство, он должен назвать одним-единственным словом еще более веснушчатую королевскую дочь, которую все с самого ее рождения зовут уродина.

«...у колдунской дочки веснушек было в сто раз больше, всяких: светлых и почти черных, крошечных, как крупинки пшена, и больших, как медные монеты.

Она была ужасно веснушчатая. И едва Сашка увидел ее, он пожалел девочку так сильно, что забыл о грозном царе Колдуне и вообще обо всем, и сказал тихо...

— Милая!...»

В моем понимании глубоко неверен тезис о том, что жалость унижает человека. Жалость — это доброе чувство, оно заключает в себе сочувствие, оно ведет к милосердию. Недаром же в народе слово «жалеть» часто является синонимом слова «любить». Доброе чувство, испытанное мальчиком к существу, страдающему еще более, чем он сам, привело к благополучному разрешению сказочного конфликта, и сказка обернулась высоко нравственным призывом к доброте и милосердию.

Яркой фантазией рождена и другая сказка А. Шарова «Приключения Ёженьки и других нарисованных человечков». Пересказывать все бесчисленные перипетии сказки нет никакой надобности — она здесь, в этой книжке, стоит только прочесть. Хочется лишь отметить, что все невероятные приключения открыто говорят о борьбе добра и зла. В сказке они персонифицированы, это Добрый Художник и Злой Художник. Надо ли говорить, что Добро побеждает, а Зло — наказано и посрамлено. На то ведь и непреложные законы сказки! И вот, чтобы отпраздновать победу Добра, устраивается пир.

«Собрали Человечки со всего города столы и поставили их один к одному от дома, где жил Художник, через лес и до океана, и в океане тоже, чтобы и рыбы и рыбки ребята могли быть на пиру».

Все доброе, люди, звери, рыбы и птицы, вся природа — все должно быть объединено на почве добра.

И на фоне ярких и необычайных событий вовсе не морализаторством прозвучит застольная речь молчаливой буквы «Ч»:

— Главное — быть настоящим чччеловеком. И не быть чччёрствым. И не быть чччужим для других людей. Чччеловек к ччччеловеку должен относиться по-ччччеловечески.

— И к Человечкам тоже, — прибавила Ёженька.

— И к зверям, — сказал Белый Медведь.

— И к рыбам, китам и дельфинам! — сказал Дельфин.

— И деревьям, ц-цветам и т-травам он тоже не должен быть ч-чужим, — заикаясь от волнения, прошепстела конфетная пальма...»

«Сказка ложь да в ней намек, добрым молодцам урок»... Так ли? Мы все привыкли к авторитетам и стереотипам и разучились подвергать сомнению многие застывшие формулы. В том числе и эту. Даже если ее и произнес сам Александр Сергеевич Пушкин...

Но вот мы поговорили о большом количестве сказок: сказок, созданных на основе литературных произведений и по мотивам фольклора, сказок, написанных авторами по-своему, безо всякой литературной основы, как бы изначальных. И что лее? Где же в них ложь? Сказка — настоящая, талантливая, не умозрительная, не кокетничающая — это от первого до последнего слова — правда, правда самой жизни, увиденная под особым углом зрения, пользующаяся особым методом исследования действительности.

Желаю вам и вашим детям радостной встречи со сказкой!

И. Токмакова

И.Токмакова. Слово ко взрослым: Вступительная статья // Цветик-семицветик: Сказки советских писателей / Сост. Н. Шерешевской; Вступ. слово И. Токмаковой; Ил. Р. Авотина. - М.: Правда, 1991. - с. 5-16.
ISBN 5-253-00240-5

В сборник «Цветик-семицветик» вошли сказки известных классиков советской литературы: А.Толстого, А.Платонова, В.Катаева; любимые сказки самых популярных детских писателей - С.Маршака и К.Чуковского, сказки П.Бажова и Е.Шварца и ныне успешно работающих сказочников И.Токмаковой, Г.Балла, Я.Акима, Р.Кушнеровича. В сборнике представлены и совершенно оригинальные авторские сказки, и сказки, связанные с фольклором и с творчеством известных зарубежных писателей. Они наполнены и поэзией, и миром богатой фантазии, и нравственным примером, и веселой игрой.

Литературно-художественное издание

ЦВETИК-СЕМИЦВETИК
Сказки советских писателей

Составитель Шерешевская Наталья Викторовна

Редактор Н.А.Преснова
Оформление художника В.В.Гусейнова
Художественный редактор Г.О.Барбашинова
Технический редактор К.И.Заботина
ИБ 2334